

DOI: 10.12731/2218-7405-2015-6-8

УДК 321.7

ПОЛИТИЧЕСКАЯ КУЛЬТУРА КАК ДВИЖУЩАЯ СИЛА ДЕМОКРАТИИ В СНГ

Яковлев М.В.

В связи с непреходящим вниманием к проблемам демократии и демократизации в посттоталитарных странах и увеличивающимся интересом к взаимосвязи между социальными установками и характером политического режима в статье анализируется феномен политической культуры применительно к СНГ. На основании структурно-функционального, институционального и сравнительного видов анализа, а также концептуальных положений С. Вербы и Г. Алмонда, Д. Растоу, Р. Инглхарта и К. Вельцеля и др. выявляется общее значение индивидуальных ценностей и общественных ориентаций для установления и поддержки современной демократии, а также определяется общая специфика политической культуры населения СНГ.

В результате исследования установлено, что общими базовыми элементами политической культуры обществ СНГ являются унаследованные из советского периода коллективистские ориентации и подкрепляемое ими согласие с коррупцией, обусловленные экономическими, социальными и политическими потрясениями установки на выживание, низкое доверие граждан друг к другу, а также отсутствие массово выраженной мотивации к свободе, законопослушности, самостоятельности. Правящие классы стараются зафиксировать текущее состояние общественного сознания с целью сохранения политического статус-кво.

Цель: выявление значения и особенностей политической культуры населения стран СНГ в современных условиях.

Метод или методология проведения работы: структурно-функциональный, институциональный, сравнительный виды анализа, подходы С. Вербы и Г. Алмонда, Д. Растоу, Р. Инглхарта и К. Вельцеля и др.

Результаты: определены и проанализированы основные особенности современной политической культуры населения стран СНГ, рассмотрены их перспективы для демократизации.

Область применения результатов: теория демократии, практика государственного управления, технологии демократизации.

Ключевые слова: государство; демократия; демократический процесс; политическая культура; политический режим; политика.

POLITICAL CULTURE AS A FACTOR FOR DEMOCRACY IN CIS

Yakovlev M.V.

In the article is analyzed the phenomenon of political culture in the CIS in connection with the attention to the problems of democracy and democratization in the post-totalitarian countries and increasing interest in the relationship between social attitudes and characteristics of the political regime.

It is revealed the total value of individual values and national attitudes for establishing and supporting of a modern democracy and it is determined the common specificity of the political culture of the people of the CIS on the basis of structural-functional, institutional and comparative analyzes, as well as concepts of the S. Verba and G. Almond, D. Rastow, R. Inglehart and Welzel K. etc.

General basic elements of political culture of the CIS nations are inherited from the Soviet period, collectivist orientation, acceptance of corruption, caused by economic, social and political shocks of survival value, low trust of citizens towards each other, lack of massively expressed motivation for freedom, law-abiding, self-sufficiency. The political classes are trying to fix the current conditions of social consciousness for saving the political status quo.

Purpose: *identifying the values and characteristics of the political culture of the population of the CIS countries in modern conditions.*

Methodology: *structural-functional, institutional, comparative analyzes, approaches S. Verba and G. Almond, D. Rastow, R. Inglehart and C. Welzel etc.*

Results: *identified and analyzed the main features of modern political culture of the population of the CIS countries, considered their prospects for democratization.*

Practical implications: *theory of democracy, governance, technology of democratization.*

Keywords: *democracy; democratic process; political culture; political regime; politics; state.*

Введение

В последнее время установки и ценностные ориентации демоса как актора политических преобразований привлекают все больший интерес политологов.

Материалы и методы

Методология статьи базируется, главным образом, на структурно-функциональном, институциональном, сравнительном видах анализа, а также на подходах С. Вербы и Г. Алмонда, Д. Растоу, Р. Инглхарта и К. Вельцеля и др.

Первое из ныне известных научных рассмотрений воплощения индивидуальных ориентаций в массовых социальных тенденциях, определяющих политику, сделал Аристотель, полагавший, что характер и способ государственного управления отражает «добродетели», присущие членам того или иного общества. Геродот и Фукидид, сравнивая культуры греков и персов, а также афинян и спартанцев, подчеркивали специфические черты политических систем этих народов и связывали их с влиянием преобладающих в этих обществах ценностей. В XVIII в. идею о том, что в форме правления отражаются ценности населения, поддержал Шарль Луи Монтескье, а почти столетие спустя – Алексис де Токвиль, исследовавший «гражданский дух» американской нации, выражающийся в деятельности политических институтов США [5].

Одним из первых на политико-культурные вопросы демократизации обратил внимание Сеймур Липсет в конце 1950-х гг. Этот американский политический социолог подчеркивал невозможность вычленения какого-либо одного главного фактора из тесной взаимосвязи различных аспектов экономического развития (индустриализация, урбанизация, богатство и образование) [26, с. 41]. Он считал, что подлинная демократическая модернизация проявляется в трансформации социальных условий и развитии политической культуры. Например, «образование работника содействует установлению широких контактов с разнообразными общественными группами... в связи с чем работники более восприимчивы к демократическим ценностям» [27, с. 84].

В современной первопроходческой работе «Гражданская культура» Габриэль Алмонд и Сидней Верба сделали выводы о том, что стабильность и жизнеспособность политического режима зависит от восприятия его гражданами как «надлежащей формы правления» [15, с. 230], а также от действительного отношения к демократии со стороны «элит и не элит» [15, с. 280].

Р. Инглхарт и К. Вельцель развернуто доказывают корреляцию между социально-экономическим положением (развитием) и приверженностью ценностям либеральной демократии в исследовании, которое, видимо, является самой авторитетной и масштабной работой послед-

него десятилетия в сфере политической культуры. Ученые исходят из посылки, что «существенное воздействие модернизации состоит не в том, что демократия становится приемлемой для элит, а в том, что умножаются способности и желание рядовых людей сражаться за демократические институты» [39, с. 136].

Авторы предполагают, что на постиндустриальном этапе развития вследствие роста социально-экономического развития, повышения уровня образованности, дифференциации рынка труда и профессий происходит усложнение структуры общества, в котором появляется все больше творческих, свободно мыслящих и независимых от власти индивидов: «Повышение уровня образования, расширение потребностей в получении информации и распространении знаний с помощью СМИ помогают людям мыслить более независимо, сокращая ограничения для свободного выбора» [23, с. 29].

Соответственно, при росте общего числа таких индивидов, увеличивается запрос на осуществление гражданских прав и свобод. Так, по мнению Вельцеля, «человек не может быть свободен без гражданских и политических прав» [40, с. 875].

Появление все большего количества информированных и независимо мыслящих граждан, формирование их объединений ставит под вопрос легитимность авторитарных режимов, которые ограничивают политические права и свободы граждан. В таких условиях существование авторитаризма становится неприемлемым по двум, как минимум, причинам: во-первых, «эффективный менеджмент становится более дорогостоящим и ограничивающим институциональные выборы элит» [40, с. 888], и, во-вторых, «как правило, авторитарные элиты имеют достаточно власти для подавления гражданских требований, пока они контролируют войска и готовы применить силу. Однако ресурсы, которые становятся гражданским капиталом, и решимость, с какой граждане направляют их на борьбу за свободу, могут нивелировать силу принуждения со стороны авторитарных режимов» [23, с. 218].

Таким образом, Инглхарт и Вельцель обосновывают важнейшую роль рядовых граждан в процессе демократизации и рисуют механизм возникновения под влиянием модернизации демократических установок на микроуровне, которые посредством реализации запроса на политические права и свободу трансформируются в институты демократии на макроуровне.

Постановка задачи

В связи с большим значением ценностей и установок граждан и правящего класса для демократии и демократизации представляется целесообразным проанализировать аспекты основных теоретических подходов к этим феноменам с фокусом на современную ситуацию в СНГ.

Основная часть статьи

Ключевой тезис, лежащий в основе исследований политической культуры, – это наличие устойчивой связи между ценностными ориентациями индивидов и характером политического режима и стабильностью функционирования институтов и системы в целом. Применительно к народоправству это означает, что доминирование в массовом сознании (разделение наибольшим числом членов данного общества) демократических ценностей свободы, самостоятельного выбора и т.п. обуславливает установление, сохранение и развитие эффективных демократических институтов. Примечательно, что подавляющее большинство политологов принимает этот тезис на веру, не подвергая его никакому сомнению или эмпирической проверке.

В парадигме исследования политической культуры эффективная демократия предстает механизмом институционализации гражданских прав и политических свобод и гарантирует возможность самостоятельного выбора в частной, общественной и государственных сферах. Очевидно, что не всякий выбор граждан поддерживает и сохраняет демократический порядок. В истории содержится довольно много иллюстраций сокрушительных ударов, нанесенных демосом в ходе демократических процедур по народоправству. Один из самых ярких случаев истории XX в. – легитимная передача власти нацистам в Германии и последовавший откат к фашистскому тоталитаризму. Поэтому решающее значение для народоправства имеет гражданский выбор, который мотивирован стремлением к свободе и самостоятельности.

Итак, стабильность системы и режима зависит от взаимного соответствия ценностей и институтов. Из этого следует, что демократия успешно утверждается в обществах, члены которого обладают гражданскими качествами и стремятся к свободе и самостоятельности. Даже если в таких обществах и придут к власти авторитарные или тоталитарные группы, то, как показывает политическая история стран Центральной и Восточной Европы, давление социальных сил не позволит им править сколь угодно долго. Как отмечает Памела Пакстон, под натиском стремящихся к свободе граждан и с усилением антиправительственных движений растут издержки тиранических режимов по усмирению недовольных, что снижает эффективность авторитарных систем, порождает конфликты внутри правящего класса (между консерваторами и реформаторами) и в итоге приводит к падению автократий [32, с. 256-257].

Здесь важно подчеркнуть, что речь идет о процессах, происходящих именно в постиндустриальных странах. Переход к постиндустриализму, начавшийся около 1970 г. привел к изменениям в ценностях массового сознания, что повлияло и на характер демократического процесса и восприятие самого концепта народоправства в развитых странах. В связи с этим ряд исследователей объявили о «кризисе» либеральной демократии на Западе. Анализ темы «кри-

зиса» либеральной демократии позволяет выявить новые закономерности реализации ценностей демократии в современных постиндустриальных обществах и сравнить их с теми, что присущи обществам переходным, к которым относится население стран СНГ. Поэтому стоит рассмотреть данную проблематику более пристально.

Одним из первых о «кризисе» написал Крозье в 1975 г. Это заявление поддержал и Патнэм в соавторстве с Кристин Госс в начале 2000-х гг.: «Парадоксально, но во время грандиозного триумфа либеральной демократии появляется и беспокойство по поводу эффективности важнейших социальных институтов, в том числе институтов представительной власти, в развитых демократиях» [34, с. 4].

Хотя Патнэм и другие не менее авторитетные авторы обосновывают политическую пассивность, наблюдающуюся в постиндустриальных обществах, сокращением «социального капитала», однако, Инглхарт, Вельцель предлагают иное решение. Эти авторы меняют ракурс и становится видно, что на самом деле имеют место не одна, а две тенденции. «С одной стороны, забюрократизированные и управляемые элитами формы участия народа в политическом процессе, такие как голосование и членство в партиях, действительно переживают упадок. С другой стороны, резко расширился масштаб противозлитных форм такого участия, движимых экспрессивной внутренней мотивацией» [3, с. 175].

Ульрих Бек объясняет происходящие изменения диверсификацией отношений между людьми, обусловленной социально-экономическим развитием, сбрасыванием оков традиционных связей и получением свободы выбора новых социальных ролей и созданием социальных связей не на основе принуждения или необходимости. По его словам, в постиндустриальных демократических обществах происходит переход от «вынужденного родства» к «симпатии по собственному выбору» [17, с. 21].

Таким образом, социальный капитал не исчезает, он обновляет свой характер и формы выражения с учетом изменений общественной формации (от индустриальной к постиндустриальной). Сегодня члены постиндустриальных обществ реже вступают в политические организации иерархического типа, более критично относятся к государственной политике и бюрократии, что отражается, например, в снижении явки на выборах [19, с. 252-269]. Напротив, люди все чаще участвуют в новых формах выражения интересов: в одиночных пикетах, бойкотах, подписаниях петиций в Интернете, демонстрациях, организуемых посредством социальных сетей и т.д.

Новые формы политического участия получили название «неортодоксальных», в отличие от «традиционных» (голосование, обращение избирателей к депутатам и пр.). Барнс, Каазе и

их соавторы еще в конце 1970-х гг., исследуя протестный потенциал, разработали методики измерения «традиционных» и «неортодоксальных форм участия в политической деятельности», назвав последние «устойчивой характеристикой общественности демократических стран» [16, с. 524].

Поэтому граждане постиндустриальных демократических стран отнюдь не избегают политического участия. Как показывают Инглхарт и Вельцель, наоборот, происходит «расширение масштабов противозелитных действий» [3, с. 177].

Наиболее существенный вклад в осмысление процесса формирования демократических ценностей у граждан того или иного общества внесли авторы, которых условно можно разделить на две основные группы: институционалисты и коммунитаристы.

Роберт Джекман, Данкварт Растоу, Росс Миллер, Эдвард Мюллер, Митчелл Селигсен полагают, что демократические ценности формируются у населения в процессе долговременного и результативного функционирования демократических институтов в ходе привыкания или «институционального обучения» [8, 24, 29], благодаря усвоению норм и осознанию ценности демократии (справедливости ради необходимо добавить, что Растоу писал о возможности расширения поддержки демократии среди населения вследствие разочарования в авторитаризме). При этом экономическое развитие играет вспомогательную роль, также способствуя распространению и укреплению ценностей демократии в массовом сознании. Дополнительным фактором усиления демократии (в условиях действующих демократических институтов) становится экономический рост. Такая логика приводит к выводу о невозможности зарождения культуры, поддерживающей демократию, в условиях авторитаризма или тоталитаризма. Однако политическая история дает немало примеров обратного (истоки либеральной мысли находятся в монархических системах, там же социальными силами были сформулированы и осуществлены требования представительства и расширения гражданских прав и политических свобод). В современности наиболее яркой иллюстрацией служит демократизация СССР и стран советского блока. Кроме того, практика СНГ и др. стран показывает, что для утверждения в обществе демократических ценностей недостаточно принять демократическую конституцию и построить институты представительства и общественного контроля. Нужно нечто большее.

Сторонники элитистских концепций пишут о решающей роли политической элиты в деле построения и поддержания стабильности институциональной основы демократии. Например, Валери Бюнс: «Если основоположниками демократии считаются... политические лидеры, то от них же в дальнейшем, после первоначального прорыва, зависит, сохранится она или будет подорвана» [18, с. 709]. В этом рассуждении просматривается ситуация, в которой правящий

класс никак не зависит от общества, а граждане – это всего лишь пассивные наблюдатели, не способные оказывать влияние на политику. Но здесь речь уже не идет о демократическом режиме, т.к. интересы демоса никак не учитываются, что уничтожает саму сущность народоправства.

Поэтому не следует забывать о важной роли общественных движений и разделяемых ими ценностей или, говоря вообще, социальных сил, оказывающих сопротивление давлению центральной власти и желающими самостоятельности. В свою очередь, эти социальные силы смогли стать влиятельными акторами вследствие увеличения своего экономического капитала (а также, когнитивного и социального). Или, другими словами, нужно иметь в виду афоризм Мура младшего «нет среднего класса – нет демократии». Как отмечает Сэмюэль Финер, само происхождение демократии связано с сопротивлением демоса автократии [21].

Гильермо О’Доннел и Филлипп Шмиттер утверждают, что основной толчок демократизации дают настроенные на перемены и реформы элиты, которые направляют социальные силы и управляют их коллективными действиями для преодоления сопротивления консервативно настроенной части правящего класса и обновления политической системы [30, с. 78]. В этом случае массовая мобилизация общества и требования граждан отнюдь не приравниваются к самостоятельному осуществлению суверенной воли народа ради общего блага, как представляли Джон Стюарт Милль, Жан-Жак Руссо и др. Роль общественного движения здесь гораздо более скромная – лишь исполнение программы политической модернизации, разработанной узкой группой элиты. Дальнейшая стабильность демократии, по мнению Хуана Линца и Альфреда Степана, зависит от степени согласия элит относительно того, что демократия – это «единственный возможный вариант» политической жизни [25, с. 4].

Роль элиты в демократизации трудно переоценить, особенно в части строительства демократических институтов и поддержки их работоспособного состояния. Однако слишком сильный акцент на ней серьезно сужает познавательные возможности элитистской концепции, т.к. упускается из виду действительное значение требований общества, определяющих поведение элиты и побуждающих их к демократическим реформам, на что указывал, например, Сэмюэль Хантингтон [13, с. 36]. Кроме того, трудно представить, что даже самые умелые действия немногочисленной элиты позволят установить стабильный демократический режим, если нет его широкой поддержки у населения. Узкая трактовка демократизации, где все внимание сосредотачивается лишь на внутриэлитной борьбе (между консерваторами и реформаторами), ведет к полному игнорированию роли рядовых граждан, значения среднего класса в осуществлении политических изменений и, следовательно, подрывает основы народоправства как режима гражданского самоуправления.

Все вышеизложенное позволяет сделать обоснованные выводы о характере и специфике политической культуры переходных обществ СНГ. Начать стоит с центральной категории коллективизма, которая лежит в основе теоретических моделей демократии, проанализированных в предыдущей главе, и является неотъемлемой характеристикой населения постсоветского пространства.

Эмиль Дюркгейм раскрывал значение коллективизма при помощи понятия «механическая солидарность», означающего тесные и крепкие связи между одинаковыми членами сегментов общества. По мнению ученого, в процессе модернизации этот тип связей уступает место более гибким и свободным отношениям на основе разделения труда между отличающимися друг от друга индивидами, т.е. «органической солидарности». Таким образом, коллективистская идентификация заменяется на индивидуалистическую [2].

Фердинанд Тённис для анализа коллективизма различал общность и общество. По его мнению, общность прочно скрепляется единообразными связями, обеспечивающими высокий уровень сплоченности, придающими группе закрытость и порождающими коллективную идентичность. Общество – это группа открытого характера, объединяющая индивидов из разных слоев на основе сходства интересов и являющаяся источником индивидуалистической идентификации [38]. Дафна Ойзерман, Хитер Кун и Маркус Кеммельмайер рассматривают внутригрупповые связи и взаимные обязательства как наиболее существенные характеристики коллективизма, который он именуется «взаимозависимым» самоощущением [31, с. 3-72].

Таким образом, коллективизм означает наличие ярко выраженной групповой принадлежности (главный аспект самоидентификации для члена группы), превалирование общих интересов над частными (доминирование идей общего блага и общей воли, как в республиканизме, моделях античной и древнерусской демократии), обязательное требование выполнять обязательства перед группой (внешняя мотивация поступков), необходимость жертвовать личными целями ради общего блага.

Коллективистским общностям присущи четко очерченные границы между «своими» и «чужими», которые часто практически непреодолимы, ведь иначе сомнительным становится сам способ групповой идентификации, а также консерватизм и патриархальность.

Личная свобода члена коллектива ограничена не только внешними обязательствами, она сдерживается и внутренним подавлением индивидуальных потребностей, идущих вразрез с общественными, а также необходимостью постоянно приспосабливаться к интересам группы, т.к. иного выбора нет.

В отличие от коллективистских общностей, модернизированное (в т.ч. постиндустриальное) общество строится на ценностях либерализма и индивидуализма. Вслед за Гиртом Хофстедом индивидуализм можно определить как последовательную и целеустремленную защиту собственных прав и независимости, самореализацию, сосредоточенность на самом себе и ближайшем окружении, оценивание себя и других по личным достижениям [22]. Вкратце, если в коллективистских общностях акцент делается на обязательствах перед группой и доминировании принципа общего блага, то в модернизированных – на личной независимости и самореализации. Кстати, коллективизм Хофстед называет «коллективной идентичностью».

Сохраняющуюся приверженность обществ стран СНГ коллективистским ценностям можно трактовать исторической и культурной преемственностью, нахождением на соответствующей стадии социального развития, а также защитной реакцией на вызовы современности: экономический коллапс и крушение политико-государственной системы в 1990-е гг.

Касательно коллективизма как способа защиты сообщества в критических условиях Клиффорд Гиртц отметил, что экзистенциальные угрозы заставляют людей искать убежище в крепко сплоченных группах с усиленными холистическими связями [1].

Соответственно, в обществе сфера солидарности сужается до рамок конкретных общностей, что повышает уровень внутригруппового доверия и способствует выживаемости группы при кризисе, но снижает степень доверия к людям в целом. В социологии это явление характеризуется посредством типа социального капитала, консолидирующего группу перед вызовами и опасностью – т.н. скрепление общности. Кстати, постиндустриальному обществу в нормальных условиях присущ иной тип социального капитала, способствующий взаимодействию («наводящему мосты») между членами разных групп.

Интеграция (скрепление) группы в кризисных условиях в соответствии с коллективистскими ценностями выражается в подчинении ее членов единым нормам, поддержке общего блага и ограничении индивидуальных свобод [33, с. 77-103], а в отношении к внешнему окружению – в недоверии и различных формах дискриминации [28, с. 419].

На феномен сплочения общности с целью выживания в кризисных условиях пролили свет исследования «закрытого сознания» Рокича; «закрытого общества», влекомого «стадным инстинктом» Поппера; «аморальной семейственности» Бэнфилда; внутригруппового фаворитизма и дискриминации внешнего окружения Монро и др. [7, 28].

Такая трактовка наводит на мысль о том, что коллективизм не есть специфическая неотъемлемая черта какой-либо культуры. Объяснение коллективизма как способа защиты группы перед лицом опасности предполагает, что в любом обществе с наступлением критической си-

туации в массовом сознании верх берут коллективистские ценности групповой дисциплины, унифицированной нормы, мощной государственной власти («сильная рука»), с помощью которых наиболее эффективно достигается общая жизнеспособность.

Действительно, в 1990-е гг. в тяжелой социально-экономической ситуации в странах СНГ началась битва за передел ресурсов, но и борьба за выживание, что сделало неизбежным создание крепко спаянных групп (в т.ч. олигархических) с жесткими взаимными обязательствами и дискриминацией посторонних. Унаследованные из советского прошлого и базирующиеся на идеях общинности и соборности принципы коллективизма обновились функционалом в одном случае достижения власти и овладения материально-технической базой бывшего СССР (относится к олигархам), в другом – сохранением жизнеспособности при кризисе и скудных (относится к сообществам новых политико-государственных образований). Коллективизм позволил сформироваться новым группам давления, которые захватили ресурсы и способствовали дальнейшему его распространению для сохранения статус-кво, вынуждая людей принимать нормы и нравы, нацеленные на благополучие конкретной общности, а не всех людей. Коллективизм, как отчетливо видно на материалах России, Казахстана и др., стал одним из ключевых положений, используемых правящим классом для формулирования основ государственной политики, обоснования специфики режима и теоретических концепций народоправства.

Экономическая стабилизация 2000-х гг. лишь упрочила позиции авторитаризма в таких странах как Россия, Казахстан и др. благодаря негласному контракту между властью и населением, основывающемуся правительственных субсидиях разного типа и масштаба, обеспечиваемых нефтедолларами. Примечательно, что например, в России с резким оскудением бюджетных средств (ввиду коррупции и некомпетентности) и сокращением притока нефтедолларов (вследствие падения мировых цен на нефть) авторитарный режим прибегнул к «операции «Крым»» и начал эксплуатировать тему войны на Украине и нападок со стороны Запада, тем самым пытаясь восстановить пошатнувшуюся легитимность. Пропаганда внешней угрозы и нагнетание ощущения большой опасности позволило воссоздать благоприятные условия для давления на общество и вновь обеспечило легитимацию авторитарной власти.

Помимо коллективизма важной спецификой обществ СНГ и их политической культуры является коррупция. Вообще, в современных исследованиях честность, порядочность, законопослушность правящего класса (элит) тесно увязывается с принципом ограничения роли государства и деспотической власти и выделяется в качестве важнейшего фактора устойчивости и эффективности демократического режима [20, с. 554]. Этот фактор измеряется показателем коррупции. В широком смысле, коррупция – это всевозможные проявления взяточничества,

блата, кумовства, клановости, и других нелегальных механизмов, используемых для лишения граждан их законных прав и для злоупотребления властными полномочиями ради личной выгоды [35, с. 131]. Коррупционированность правящего класса означает, что правительственные чиновники и другие должностные лица (сотрудники полиции, судьи) не только не предоставляют гражданам положенные по закону государственные услуги, но и препятствуют их получению с целью принуждения населения к использованию нелегальных механизмов. Главным мотивом такого поведения выступает извлечение материальной выгоды должностным лицом из служебного положения, т.е. продажа услуги путем взятки или за выполнение иного обязательства (в рамках блата, кумовства), а также откуп от правонарушения. Коррупция как антитеза принципам равенства и верховенства права подменяет собой легальные механизмы и легитимные институты, на смену которым приходят неформальные группы и правила, часто действующие под прикрытием первых на основаниях клановости, кумовства, фаворитизма, патрон-клиентских отношений и разрушающие основы общества и государства. Лилия Шевцова и др. называют коррупцию наиболее серьезной угрозой для современной демократии [26, с. 70].

Наиболее авторитетное, беспристрастное и обоснованное измерение уровня законопослушности и порядочности правящих классов различных стран проводится Всемирным банком, сотрудники которого разработали индекс контроля над коррупцией (control of corruption). Значения этого показателя получают посредством опроса экспертов и населения о размерах и способах злоупотреблений властными полномочиями в государстве. Модель ненаблюдаемых компонент позволяет собирать и обрабатывать данные о восприятии коррупции в той или иной стране из 25 различных источников и построить шкалу, верхний предел которой означает максимальную законопослушность правящего класса, а нижний – его тотальную коррупцию [37].

Заключение

Итак, в начале 1990-х гг. в обществах стран СНГ, как и несколько ранее в других переходных государствах, поддержка демократизации утвердилась во многом благодаря надеждам на экономическое процветание того уровня, на котором находятся западные и отдельные азиатские демократии. Это некорректное смешение демократии и материального достатка и иллюзорное упование на быстрое обогащение активно поощрялось реформаторами, несмотря на прямые опровержения специалистов и исследователей демократизации, подчеркивающих нацеленность народоправства на приобщение граждан к государственному управлению.

Как известно, реформы привели не к росту экономики и благосостояния, а к финансово-экономическому коллапсу стран СНГ. Вследствие этого большая часть их населения испытала

жесточайшее разочарование в демократии. Кроме того, те гражданские активисты, которые продолжили добиваться демократического порядка, также потеряли энтузиазм ввиду нереалистичных требований к демократическому процессу. В результате обманутые в ожиданиях сообщества (те самые, которые способствовали демократическому переходу на рубеже 1989-1990 гг. и показывали высокую противозэлитную активность) самоустранились от дальнейшего политического участия.

Уместно привести сравнение двух случаев. Во-первых, показанный Вэлгрейвом и Мансенсом пример массовой мобилизации граждан развитой демократии – масштабные политические протесты бельгийцев против коррупции рамках движения «Белый марш» в конце 1990-х годов. И, во-вторых, тотальная пассивность жителей СНГ, осведомленных о значительно более высоком уровне коррупции в правительствах своих стран, но ничего не предпринимающих для выражения своего негодования в массовом порядке. Сопоставление этих моделей поведения подтверждает известный тезис о том, что чем беднее страна, тем ниже протестная активность. Объяснение этому весьма простое: небогатые люди в авторитарных условиях более озабочены локальными, бытовыми и рутинными проблемами (например, озабоченность в том, чтобы «войны не было», актуализировавшаяся в России в 2015 г.), нежели вопросами защиты правопорядка и демократического строя в государстве. И авторитарные правительства стараются сохранить такой статус-кво различными методами и технологиями: пропагандой, манипуляциями в финансовом секторе, управлением структурами и процессами в экономике и т.д.

Здесь стоит отметить исследования, ведущиеся в странах СНГ для изучения актуальных ценностей граждан. Так, анализ культурных предпочтений молдавского общества помогает обнаружить приверженность как индивидуальным, так и коллективистским ценностям: равенство, мастерство, консерватизм и гармония. Схожая картина представляется и в исследованиях отдельных этносов (русских, украинцев, гагаузов) [4, с. 308]. Эти данные демонстрируют сохраняющуюся связь с обществами других стран СНГ, в которых также сильны коллективистские предпочтения (Россия, Казахстан, Киргизия и т.д.). Авторы полагают, что «коллективистский компонент станет консолидирующей силой, творческой мощью» молдавского общества [4, с. 139].

Антонина Селезнева провела политико-психологическое исследование политических представлений и ценностей россиян [9, с. 169-176]. Однако ее выводы направлены, скорее, на обоснование поддержки действующего властного порядка.

Подытоживая изложенное, можно заключить, что в настоящее время большая часть населения стран СНГ не обладает гражданской культурой, основанной на принципах стремления

к свободе, доверия, законопослушности и т.д. Правящие классы стараются закрепить ценности коллективизма и выживания с целью сохранения статус-кво и препятствуют воспитанию ценностей самовыражения (используя термин Инглхарта и Вельцеля), т.к. стремление населения к свободе и самостоятельному выбору делигитимизирует власть автократов.

Демократическое строительство вряд ли достигнет цели в тех странах, что пережили экономический коллапс, социальный и политический крах, население которых в массовом порядке не осознает ценностей свободы и независимости, и готово пассивно следовать в фарватере государственной политики, молча подчиняясь указам авторитарной центральной власти, не нацеленной на содействие формированию гражданской культуры, несущей угрозу сложившемуся политическому порядку.

Список литературы

1. Гирц К. Интерпретация культур / Пер. с англ. – М.: РОССПЭН, 2004. 560 с.
2. Дюркгейм Э. О разделении общественного труда. Метод социологии / Пер. с фр. – М.: Наука, 1991. 576 с.
3. Инглхарт Р., Вельцель К. Модернизация, культурные изменения и демократия / Пер. с англ. – М.: Новое издательство, 2011. 464 с.
4. Кауненко И.И., Каунова Н.Г. Социально-психологические особенности ценностной сферы молодёжи и взрослых Молдовы / Этносоциологические и этнопсихологические практики: методологические подходы и комментарии. – Кишинёв, 2010. С. 129-139.
5. Монтескье Ш.Л. О духе законов / Ш.Л. Монтескье; сост., пер., комм. А.В. Матешук. – М.: Мысль, 1999. 672 с.
6. Мощелков Е.Н. История и политика: Философские истолкования. – М.: АРГАМАК-МЕДИА, 2013. 328 с.
7. Поппер К.Р. Открытое общество и его враги / Пер. с англ. Т. 2. – М.: Феникс, Культурная инициатива, 1992. 528 с.
8. Растоу Д.А. Переходы к демократии: попытка динамической модели // Полис. 1996. № 5. С. 5-15.
9. Селезнева А.В. Политические представления и ценности россиян. – М.: МГУ, 2012. 224 с.
10. Сытин А.Г. Эволюция представлений о существовании демократии в западной политической мысли XX в. (основные тенденции) // Вестник Московского университета. Серия 12: Политические науки. 2007. № 6. С. 10-26.

11. Токвиль А. де. Демократия в Америке / Пер. с фр. – М.: Прогресс, 1992. 554 с.
12. Хантингтон С. Третья волна: Демократизация в конце XX века / Пер с англ. – М.: РОС-СПЭН, 2003. 368 с.
13. Яковлев М.В. Концепция социалистической демократии: опыт реализации в СССР и современные перспективы в СНГ // Современные исследования социальных проблем (электронный научный журнал). 2014. № 8 (40). С. 223-238.
14. Яковлев М.В. Особенности современной демократии в России // Перспективы науки. 2013. № 1 (40). С. 114-117.
15. Almond G., Verba S. The Civic Culture: Political Attitudes and Democracy in Five Nations. – Princeton, 1963. 869 p.
16. Barnes S.H., Kaase M. et al. Political Action: Mass Participation in Five Western Democracies. – Beverly Hills, CA: Sage, 1979. 338 p.
17. Beck U. Losing the Traditional: Individualization and «Precarious Freedoms» // Individualization. – London, 2002. Pp. 1-21.
18. Bunce V. Comparative Democratization: Big and Bounded Generalizations // Comparative Political Studies. 2000. Vol. 33. Pp. 703-734.
19. Dalton R.J. Value Change and Democracy // Disaffected Democracies: What's Troubling the Tri-lateral Countries? – Princeton, 2000. Pp. 252-269.
20. Davenport C., Armstrong D.A. Democracy and the Violation of Human Rights: A Statistical Analysis from 1976 to 1996 // American Journal of Political Science. 2004. Vol. 48. Pp. 538-554.
21. Finer S.E. The History of Government. – Oxford: Oxford University Press, 1999. Vol. 3. 1744 p.
22. Hofstede G. Culture's Consequences: Intentional Differences in Work Related Values. – Beverly Hills, CA, 1980. 475 p.
23. Inglehart R. and Welzel C. Modernization, Cultural Change and Democracy: The Human Development Sequence. – Cambridge, 2005. 344 p.
24. Jackman R.W., Miller R.A. Social Capital and Politics // Annual Review of Political Science. 1998. Vol. 1. Pp. 47-73.
25. Linz J.J., Stepan A. Problems of Democratic Transition and Consolidation: Southern Europe, South America and Post-Communist Europe. Baltimore, 1996. 504 p.
26. Lipset S.M. Political Man. The Social Bases of Politics. – NY.: Doubleday, 1960. 432 p.
27. Lipset S.M. Some Social Requisites of Democracy: Economic Development and Political Legitimacy // American Political Science Review. 1959. № 53 (March). Pp. 69-195.

28. Monroe K.R., Hankin J., Vechten R. van. The Psychological Foundations of Identity Politics // Annual Review of Political Science. 2000. Vol. 3. Pp. 419-447.
29. Muller E.N., Seligson M.A. Civic Culture and Democracy: The Question of Causal Relationships // American Political Science Review. 1994. Vol. 88. Pp. 635-652.
30. O'Donnell G., Schmitter P.C. Tentative Conclusions about Uncertain Democracies // Transitions from Authoritarian Rule. Baltimore, 1986. Vol. 4. Pp. 1-78.
31. Oyserman D., Coon H., Kemmelmeier M. Rethinking Individualism and Collectivism // Psychological Bulletin. 2002. Vol. 128. Pp. 3-72.
32. Paxton P. Social Capital and Democracy: An Interdependent Relationship // American Sociological Review. 2002. Vol. 67. Pp. 254-277.
33. Pettigrew T.F. Reactions towards the New Minorities of Western Europe // Annual Review of Sociology. 1998. Vol. 24. Pp. 77-103.
34. Putnam R.D., Goss K.A. Introduction // Democracies in Flux: The Evolution of Social Capital in Contemporary Society. – Oxford, 2002. 528 p.
35. Sandholtz W. and Taagepera R. Corruption, culture, and communism // International Review of Sociology. 2005. № 15. Pp. 109-131.
36. Shevtsova L. Russia's Hybrid Regime // Journal of Politics. 2001. Vol. 12. Pp. 65-70.
37. The Worldwide Governance Indicators (WGI) project [Электронный ресурс] URL: <http://info.worldbank.org/governance/wgi/index.aspx#home> (дата обращения 09.06.2015).
38. Tönnies F. Community and Association. – London, 1955. 240 p.
39. Welzel C. and Inglehart R. The Role of Ordinary People in Democratization // Journal of Democracy. 2008. № 19. Pp. 126-140.
40. Welzel C. Democratization as an Emancipative Process: The Neglected Role of Mass Motivations // European Journal of Political Research. 2006. № 45. Pp. 871-896.

References

1. Geertz, Clifford. *Interpretatsiya kul'tur* [The Interpretation of Cultures]. – Moscow: ROSSPEN, 2004. 560 p.
2. Durkheim, Emil. *O razdelenii obschestvennogo truda. Method of Sociology* [The Division of Labour in Society]. – Moscow: Nauka, 1991. 576 p.
3. Inglehart, Ronald, Welzel, Christian. *Modernizatsiya, kulturnye izmeneniya i demokratiya* [Modernization, Cultural Change and Democracy]. – Moscow: Novoe izdatel'stvo, 2011. 464 p.

4. Kaunenکو, Irina and Kaunova, Natalia. *Sotsial'no-psikhologicheskie osobennosti tsennostnoy sfery molodezhi i vzroslykh Moldovy / Etnosotsiologicheskie i etnopsikhologicheskie praktiki: metodologicheskie podkhody i kommentarii* [Socio-psychological characteristics of valuable sphere of youth and adults in Moldova. Ethno-sociological and ethno-psychological practice: methodological approaches and comments]. – Chisinau, 2010. Pp. 129-139.
5. Montesquieu, Charles-Louis de. *O dukhe zakonov* [The Spirit of the Laws]. – Moscow: Mysl', 1999. 672 p.
6. Moshhelkov, Eugeny. *Istorija i politika: Filosofskie istolkovanija* [History and politics: philosophical interpretation]. – Moscow: ARGAMAK-MEDIA, 2013. 328 p.
7. Popper, Karl. *Otkrytoe obshchestvo i ego vragi* [The Open Society and Its Enemies]. – M.: Feniks, Kul'turnaya initsiativa, 1992. Vol. 2. 528 p.
8. Rastow, Dankwart. *Polis* [Political studies], no. 5 (1996): 5-15.
9. Selezneva, Antonina. *Politicheskie predstavleniya i tsennosti rossiyan* [Political ideas and values of Russians]. – M.: MGU, 2012. 224 p.
10. Sytin, Andrey. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 12: Politicheskie nauki* [Bulletin of Moscow University. Ser. 12: Political science], no. 6 (2007): 10-26.
11. Tocqueville, Alexis de. *Demokratiya v Amerike* [Democracy in America]. – Moscow: Progress, 1992. 554 p.
12. Huntington, Samuel. *Tret'ya volna: Demokratizatsiya v kontse XX veka* [The Third Wave: Democratization in the Late Twentieth Century]. – Moscow: ROSSPEN, 2003. 368 p.
13. Yakovlev, Maxim. *Sovremennye issledovanija social'nyh problem (elektronny nauchny zhurnal)* [Modern researches of social problems], no. 8 (2014): 223-238.
14. Yakovlev, Maxim. *Perspektivy nauki* [Science prospects], no. 1 (2013): 114-117.
15. Almond, Gabriel, Verba, Sidney. *The Civic Culture: Political Attitudes and Democracy in Five Nations*. – Princeton, 1963. 869 p.
16. Barnes, S.H., Kaase, M. et al. *Political Action: Mass Participation in Five Western Democracies*. – Beverly Hills, CA: Sage, 1979. 338 p.
17. Beck, Ulrich. *Losing the Traditional: Individualization and «Precarious Freedoms». Individualization*. London, 2002. Pp. 1-21.
18. Bunce, Valerie. *Comparative Political Studies*, no. 33 (2000): 703-734.
19. Dalton, Russell. *Value Change and Democracy. Disaffected Democracies: What's Troubling the Trilateral Countries?* Princeton, 2000. Pp. 252-269.

20. Davenport, Christian and Armstrong, David. *American Journal of Political Science*, no. 48 (2004): 538-554.
21. Finer, Samuel. *The History of Government*. – Oxford, 1999. Vol. 3. 1744 p.
22. Hofstede, Geert. *Culture's Consequences: Intentional Differences in Work Related Values*. – Beverly Hills, CA, 1980. 475 p.
23. Inglehart, Ronald and Welzel, Christian. *Modernization, Cultural Change and Democracy: The Human Development Sequence*. – Cambridge, 2005. 344 p.
24. Jackman, R.W. and Miller, Ross. *Annual Review of Political Science*, no. 1, 1998. Pp. 47-73.
25. Linz, Juan, Stepan, Alfred. *Problems of Democratic Transition and Consolidation: Southern Europe, South America and Post-Communist Europe*. – Baltimore, 1996. 504 p.
26. Lipset, Seymour. *Political Man. The Social Bases of Politics*. – NY.: Doubleday, 1960. 432 p.
27. Lipset, Seymour. *American Political Science Review*, no. 53 (1959): 69-195.
28. Monroe, Kristen; Hankin, Josef; Vechten Renee van. *Annual Review of Political Science*, no. 3 (2000): 419-447.
29. Muller, Edward and Seligson Mitchell. *American Political Science Review*, no. 88 (1994): 635-652.
30. O'Donnell, Guillermo, Schmitter, Philipp. C. *Tentative Conclusions about Uncertain Democracies. Transitions from Authoritarian Rule*. Baltimore, 1986. Vol. 4. Pp. 1-78.
31. Oyserman, Daphna; Coon, Heather; Kimmelmeier, Markus. *Psychological Bulletin*, no. 128 (2002): 3-72.
32. Paxton, Pamela. *American Sociological Review*, no. 67 (2002): 254-277.
33. Pettigrew, Thomas. *Annual Review of Sociology*, no. 24 (1998): 77-103.
34. Putnam, Robert and Goss, Kristine. *Introduction. Democracies in Flux: The Evolution of Social Capital in Contemporary Society*. – Oxford, 2002. 528 p.
35. Sandholtz, Wayne and Taagepera, Rein. *International Review of Sociology*, no. 15 (2005): 109-131.
36. Shevtsova, Lilia. *Journal of Politics*, no. 12 (2001): 65-70.
37. The Worldwide Governance Indicators (WGI) project. URL: <http://info.worldbank.org/governance/wgi/index.aspx#home> (09.06.2015).
38. Tönnies, Ferdinand. *Community and Association*. – London, 1955. 240 p.
39. Welzel, Christian and Inglehart, Ronald. *Journal of Democracy*, no. 19 (2008): 126-140.
40. Welzel, Christisn. *European Journal of Political Research*, no. 45 (2006): 871-896.

ДАННЫЕ ОБ АВТОРЕ

Яковлев Максим Владимирович, докторант кафедры философии политики и права философского факультета, кандидат политических наук

Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова

Ленинские горы, 1, г. Москва, 119234, Россия

e-mail: maxvuz@mail.ru

SPIN-код в SCIENCE INDEX: 6923-7567

DATA ABOUT THE AUTHOR

Yakovlev Maxim Vladimirovich, doctorant of the department of political and law philosophy of the faculty of philosophy, PhD in Political Science

Lomonosov Moscow State University

Leninskie gory, 1, Moscow, 119234, Russia

e-mail: maxvuz@mail.ru